

Глава 33. Горе.

В пятницу, ранним утром, умер Всеволод Николаевич Левин.

Отлучилась дежурная сестра-девчонка, не уследила старая Акулина. Старик сполз с постели, потихоньку оделся, видно, истосковалась душа, вышел из комнаты.

В сенях он долго стоял, держась за решётку. Казалось, грудь набита чем-то плотным, как пакля. От усилия у него закружилась голова, пальцы, вцепившиеся в решётку, стали неметь.

«Дьявольщина какая-то, неужто так ослаб за эти дни? — подумал старик. — Совсем распустился, лежебока!» — прикрикнул он на себя и, с силой оттолкнувшись от решётки, вышел во двор.

На воздухе ему стало легче. Ах, кто бы знал, какое это счастье, когда можно свободно вдохнуть воздух! Пар изо рта застывал в ледяные иглы и с шорохом ссыпался. Весь мир был в сером куржаке. В такой мороз живое силится сжаться, хоть как-то защититься от стужи. Избы густо окутаны туманом и изморозью, окошки сузились до пятака.

Приглядевшись, старик увидел: в тумане катится посреди улицы нечто круглое. Малыш. Эх тебя раздели! Подкатив к Левину, шарик остановился, где-то в глубине одежды обозначилась черноглазая мордочка.

— Все-лод Нико-ла-ич! Здра-сте!

— Здравствуй, здравствуй! Куда направился?

Алёша, самый малый во втором классе «Б», стал усиленно скрести себя рукавичкой, сдирая иней вокруг рта.

— В биб-ли-теку...

— Ага, понятно.

Разговаривая с малышом, Всеволод Николаевич отметил, что боль от него вовсе отступилась. Здоровый, бодрый стоял учитель у своего дома, преспокойно разговаривая с учеником второго класса «Б». Нет, врачи того не понимают, что даже стальной нож ржавеет от долгой лёжки. За годы учительства он эту истину познал в совершенстве — с ребятами откуда и сила прибывает! Давно бы ему встать с постели да пойти к своим Алёшкам.

— Ты погоди, — сказал Всеволод Николаевич. — Постой здесь чуток. Я сейчас тебе принесу... ха-арошую книжку!

Книжку он нашёл быстро и так же быстро вернулся. Мальчонка терпеливо ждал.

— Забротали меня врачи. Не хотят выпускать из дому.

— Меня тоже... мама не пускала, — понимающе отозвался малыш. — Мы к вам два раза приходили... Акулина гонит... Теперь можно приходиться?

— Можно, можно! Ну, двинули в библиотеку потихоньку. Я сам почитаю. Как Ленин был маленьким...

Он не договорил, замер на ходу, боясь шевельнуть хоть единым мускулом. Но боль уже обрушилась, обожгла левую сторону груди, словно острые осколки чего-то хрупкого, разлетевшегося вдребезги, впились в рёбра, в голову, зелёные кольца закружились, запрыгали перед глазами, улица вместе с избами и заборами стала валиться набок. Старик схватился за плечо мальчонки и, видимо, сделал ему больно, тот закричал, завертел головой в своих шалях.

— Я сейчас... сейчас... — шептал Левин.

Он лежал в сугробе. Очистившееся от морозной мглы высокое небо летело от него прочь. По-комариному бился рядом голосок перепуганного мальчика. Думая о том, как его успокоить, Левин проговорил:

— Не бой...ся! Алёшка... чего испугался, чудак?

В этот миг и небо, и снежную даль, и мальчика — всё накрыло, задёрнуло чёрным.

Три дня Арылах стоял в слезах у гроба Всеволода Николаевича Левина. К колхозному клубу подъезжали всё новые машины — из района, из Якутска. Прилетели самолётом несколько старых товарищей, воевавших с Левиным ещё у Каландаришвили. Немало было здесь давних учеников Левина, уже седых людей, иные проходили перед гробом с внуками на руках. Весь район хоронил старого большевика, вся большая республика. Телеграммы шли из самых неожиданных мест, и по ним можно было представить, какую большую жизнь прожил он, со сколькими человеческими судьбами пересекался на веку его путь...

На третий день Левина похоронили на старом кладбище, опустили в землю гроб рядом с могилой милой его Ааныс.

Гремучие комки земли застучали о крышку гроба. Ударил в лицо едкий порох прощального залпа. Белый иней с берёз полетел на чёрную толпу у могилы. Напуганный выстрелами, плакал чей-то ребёнок.

А Левин был уже в мёрзлой, железной от стужи земле — ещё недавно живой и тёплый человек.

В одной из последних машин, в открытом кузове, притиснутый к кабине, ехал с кладбища и Аласов. После долгого и тягостного молчания наступила разрядка, все заговорили вдруг.

— Целый дом с библиотекой...

— А этот полковник-то... Оказывается, с его сыном служил.

— Такого человека не уберегли! Медики!..

— По радио из Якутска передавали...

— Русский, а всю жизнь в якутской деревне. Так и звал себя: «Я, — говорит, — русский якут...»

Машину опасно кренило набок, люди хватались за что попало.

— Ну и дорога!

— Я вот газетчик, разных похорон повидал, но и мне удивительно: ни одного родственника, а такое горе! Жаль, что при жизни его не знал...

Они как-то шли по деревне, старик часто останавливался, сверлил снег тростью. Арылах был в огнях, на тракторной дороге гудели машины. Старик долго смотрел на деревню, потом сказал: «А когда я приехал, тут, на взгорье, юрты стояли, окна изо льда... Первые ученики из этих юрт были. Беднота страшная...»

— А жену его о дерево... лошадь взбесилась. Остался с сынком, не женился. Сын его Саша до Праги дошёл, война уже считай кончилась. И тут погиб. Остался совсем один на свете. Не повезло в жизни хорошему человеку!

Кто это, интересно, разглагольствует? Сколько теперь всякого будет плестись вокруг имени старика — недаром он ещё при жизни стал легендой. «Не повезло в жизни...». Чепуха какая! Это про Левина-то, который терпеть не мог жалельщиков. Он говорил о себе: «Жизнь я прожил солдатскую, нелёгкую... Солдат тоже понимать надо, разных они армий бывают. Мы — солдаты армии, которая победила! Кто не воевал, тот не поймёт счастья общей победы. Всё моё в ней. Всё ею окупается. Мы победили! Этим жил и живу...»

Говорил «живу» и вот уже не живёт. Едем с похорон Всеволода Николаевича Левина.

Аласов хватил воздуха раскрытым ртом, почувствовал: ещё минута, и вззоет в голос. У какого-то поворота, когда машина сбавила ход, он прыгнул через борт. Ему что-то кричали, но он махнул рукой и, не оглядываясь, пошёл назад.

У могилы старика снег был истоптан, зеленели ветки хвои, ленты венков шевелились на ветру. Что-то металлически поблёскивало в сером снежном месиве. Аласов нагнулся и подобрал стреляную гильзу.

Как жить без старика? Аласов зажмурился и почувствовал, что плачет. Мокрые ресницы охватывал мороз.

«Ты мне как сын, — сказал тогда Левин. — Саша погиб, ты у меня остался».

Аласов обхватил голову руками и упёрся лбом в берёзовый ствол. Как жить?..

Плачет мужчина.

Я сам знаю горечь этих слёз. И холод прокалённого морозом берёзового ствола я чувствовал собственным лбом. Я знал того старика, которому дал имя Левина, — знал настоящего, не книжного. И я его хоронил.

«Это было с бойцами или страной, или в сердце было моем»... Повторяю слова поэта, не слыша собственного голоса, но сами слова здесь и не важны. Этим живёшь — это было в сердце моем.

Когда-то, в старинные годы, на тризне героя певец-олонхосут выходил в круг и подсаживался ближе к огню. Таков был обычай: когда он садился к огню, был вечер, а когда затихали последние строки олонхо — стояла уже ночь...

Выйдя в круг, олонхосут некоторое время сидел неподвижно, с закрытыми глазами и отрешённым лицом, тяжёлые руки его безвольно спадали, белая голова пламенела в отсветах огня.

Вот сейчас он начнёт, и первыми его словами будет: «Знали мы его соболем из якутов...» Так он начнёт, и прежде чем спеть о подвигах героя и смерти его, олонхосут расскажет о народе героя, о его стране. Так полагается в олонхо, и в том исконная мудрость: слова о народе — как защита души от того страшного, что разверзнется перед слушателями с гибелью героя. Да, он погибнет, перед смертью мы бессильны. Но сколько видит глаз, лежит в цвету земля его — белые ромашки клонятся на ветру, берёза разворачивает клейкий лист. Пастух сгоняет оленей в круг, воин перебирает в колчане стрелы, ребёнок ищет грудь матери. Уходит из жизни герой, но земля его пребывает вовеки. И эта прочность и незыблемость земного — для всех нас надежда, сила, без которой не пережить бы горе.

Будь сложена песнь о Левине — пулемётчике и учителе, певец, наверно, начал бы её с Арылаха — рассказал о зелёных аласах, о прозрачной и холодной речке Таастах, о взгорбившихся на горизонте сопках, где летом рождаются туманы, а зимой пурга. Избы Арылаха. Люди Арылаха. Красное знамя на длинном древке. Школа, большие её окна...

Впрочем, песня-олонхо не знает таких слов, самих таких понятий: школа для якутов, врач для якутов, клуб для якутов, книга для якутов... Кажется, совсем ещё недавно над необъятной, заснеженной, забытой богом якутской землёй, над этой «тюрьмой без решёток», над её задымленными юртами с мёрзлыми земляными полами и окошками, вырубленными из куска льда, над этим голодным, трахоматозным, вымирающим народом били в бубны шаманы и удаганки...

К чему я об этом? Чтобы ещё раз подивиться: вот пишу книгу о якутских учителях. Те же у них заботы, что и в Риге, и в Магнитогорске, и в Москве. Поурочные планы, дополнительные занятия, аттестация выпускников... Но постой, перо, остановись, дай осмыслить: ведь это учителя той самой Якутии!

Спой, олонхосут, о Левине, о многих Левиных — отважных русских людях. Вечная им слава и великий, от всего сердца якутский махтал. На заре новой жизни свой Левин стоял рядом с молодым якутом-учителем. Свой Левин следил

за первой операцией якута-хирурга. Свой Левин помогал сделать первый шаг якуту-архитектору и якуту-драматургу...

Когда-нибудь в зелёном парке Якутска — верится мне — подымутся белые грани обелиска в память несказанному героизму Левиных, «русских якутов», чьи могилы, вечно оплакиваемые, разбросаны в долинах Аз и Вилюя, по ущельям скалистых гор Верхоянья и Токко, по тундрам Колымы и Булуна. Сколько их, прекрасных в своём бескорыстии сыновей русского народа, покинуло родные дома, чтобы помочь зажечь свет в якутских улусах, чтобы остаться жить среди этих охотников и скотоводов, а то и сложить головы за счастье северного народа. Спой о них, сегодняшний олонхосут!